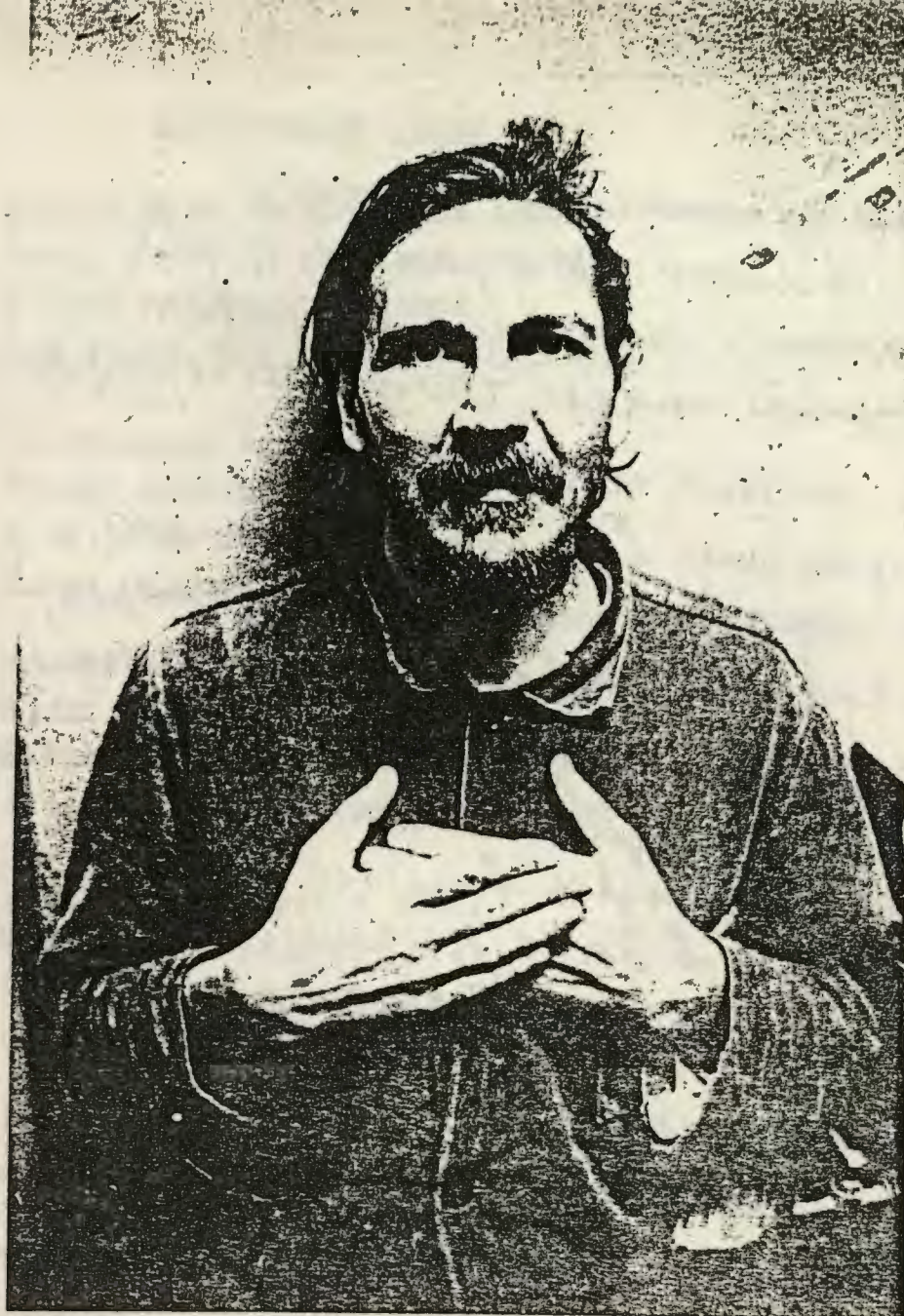

О Л Е Г
О Х А П К И Н

И З К Н И Г И

Л и р а
П р е с в я т о й
Д е в ы

А так же из
а р х и в о в

И сердце устало. Надерзко.
И тихо в мире. И души не здрёт
Несбыточных ожиданий, но живёт
И не зовёт ниён, что знала прежде.

Иные имена, иные дни.
И к мирному. Судьба не обманула,
Лишь порою по сердцу садится,
И с нето мы живём теперь одни.

Ещё жива, ещё не завершилась,
Вверая сердцу тайство своё,
И только жизнь во мне переменилась,
И вижу и в беде постраждошность,
Беспокоивая всё, что касается.

И сердце умоляет и терпит
Примосит верно познание морей:
Сладость и правду, свет и разумение,
И не боится горя и беды,

Но ведает правдивое и участие.
И сарит всех, кого в себе находит,
Ведь и беда когда-нибудь проходит
И прояснится целый мир и счастье.

Так солнце находит высоту
И считая тем, кто разведёт остождён.
Трогают революции и войны,
И люди просветляются невольно.
Бесна не надеждает красота.

ФЕВРАЛЬСКИЙ ДЕНЕК

Что за чудо! Февральский денек.
Ветер с юга — из южных степей.
Я сижу — одинок, одинок.
Газ горит. Мне тепло. Так теплей.

На деревьях вороны сидят —
Громко каркают. Весело им.
А на улице дети галдят.
Мы их радостно благословим.

На снегу как чернеет народ,
Будто пятнами видится снег.
В храме пенье. Там служба идет.
А во мне сладость творческих нег.

И береза пестреет в окне.
Чуть качает верхушку ее.
Я сижу при лазурном огне.
Сердце тайно молитву поет.

Где-то выхлоп. Наверное там
Мчится снегом автомобиль.
Снег белеется. То — красота.
Видно Бог нам с зимой пособил.

И проходит февральская тень.
То под тучами стелется дым.
Что за чудо — спокойствия день —
Как чернеют деревьев ряды.

Не спешит на тропинке народ.
До весны ведь рукою подать.
И со мной человеческий род —
На снегу. Мне из окон видать.

И деревья, вороны со мной,
Храм, что золотом светит вдали.
Заиграл музыкант за стеной,
И сосулек блестят хрустали.

Я один. Но вселенная мне

Отвечает молчанием звезд.

Уж темнеет. Береза в окне

К небу тянется — белая в рост.

Я курю. Одному хорошо.

Наслаждению нету помех.

День февральский как чудо прошел.

В небе — звезды. На женщинах мех.

И гляжу я на женщин в окно,

Хоть не вижу я их красоту,

Мне от них наслаждение дано.

Как люблю их смотреть простоту.

Им тепло на снегу. Южный ветер

Обдувает снежинки у ног,

И обтянутый инор осетр

Уловим средь иных недотрог.

Мне приятно на женщин глядеть.

Что за чудо — февральская мгла.

Тайну сердца мне некуда деть.

Темень сумерек все облегла.

И под форточкой открытой курю.

Убегает автобус внизу.

День проходит по календарю.

Жаль, что женщины к другим увезут.

Исчезают дорожки с дерев.

На дороге мне шины шуршат.

И видна самой лучшей из дев

В небе звездочка. Как хороша.

И в прорывах меж тучами свет

Мне о лучшей из дев говорит.

Мне спокойно. Я зритель-поэт.

А звезда лишь для сердца горит.

В сердце тайна, и светится в нем

Образ мира, его красоты.
И звезда серебристым огнем
Мне подскажет что чувствуешь ты.

Я один. Ты со мной вдалеке.
Поскорей бы пришла. Я один.
И уходит денек налегке.
Я молчаньем его проводил.

1992

ФЕВРАЛЬ

Вот и февраль. Судьбы России.
Проговорили. Нищая чернь.
Поговорили о нашем Мессии,
О вертухае русских очей.

И прозевали волю народа —
Установили красный террор.
Блок-то в Петрухе глядел как в воду.
Заупокойный клироса хор.

В доме Ипатьева так порешили
Брызнуть кровью царской семьи.
Но пережили — сроки пришли
Русской жестокости братья мои.

Что же тансе дух тот народный?
Эх, прозевали за коньяком.
Рассели, кололи, полуприродный,
Женскою похотью к аду влеком.

Надо ж — зарезать полправославья
И втихомолку свалить на жидов.
А позабыли — пели ж "Коль славен".
Ох, до чего же был наш бредов!...

Но и попались. Бог-то распятый
В Гефсиманий был погребен.
И сказались колонной пятой
В нищей России до наших времен.

Но и такую, моя Россия,
Ты мне прискорбна паче других.
Не о поэтах — сам я разиня.
О феврале я — о мухах пурги.

Флаг наш трехцветный —
То ли голландский,
То ли торговый... Эх, без креста!
Синий платочек такой заветный.
Строчит пулеметчик прямо в Христа.

Эх, в жемчугах Он и в белых розах —
С флагом красавым — вам говорят..
То ли Астарта, то ли мимоза...
То — атрибуты наших наяд.

Женственный образ. Так порешили
И написали — просто матрос.
Но ведь и это мы пережили,
И оказалось — распят Христос.

Эх, говорили ж! — Лучше не надо.
Да не валить же все на жидов.
Вот и воскресни из русского ада —
Из опустошенного Ленинграда.
Санкт Петербург нам снова готов.

1992

НА КРЕЩЕНЬЕ

Жмет морозец и искрится снег.
Тусклым золотом светят кресты.
Скрип дорожки и сани разбег.
Выси неба лазурно чисты.

В храме пенне и благодать —
Освящение вод естества.
Далеко на морозе видать.
В храме благовест — глас Божества.

В храм войду, где молебен и свет,
Где стоит православный народ.
Исполняется Новый Завет.
Храм-корабль как в небо плывет.

И от пения слезы идут.
На земле прославляется Бог.
Светят храмы земле там и тут
Посреди оснеженных дорог.

И снежок серебрится кругом.
И в лазури как светится храм.
И детишки на горку бегом --
Там пестрит все от саночных рам.

И на сердце так тихо-светло.
Теплят свечи молитвы тепло.
И от пения слезы в очах.
Светит радостью храм при свечах.

1992

С А Н К Т П Е Т Е Р Б У Р Г

Далеко подо льдом Нева
И в снегу ее острова.
Петропавловский в небо шпиль
Неземную поведал быль.

Ангел грозный летит с трубой,
Вызывая нас всех на бой
С сатанинским исчадьем. Ночь.
Спят одна и другая дочь.

Я сижу за столом, курю,
О спасении говорю.
Что же делать, курящий я.
Такова уж судьба моя.

Сохраняет Он город наш
Для России, ее оудеб.
Ведь когда-то здесь плыли аж
К Александру Борис и Глеб.

И небесный патрон вернул
Нам святое имя свое.
И народ стать иным рискнул —
Всю Россию стоять зовет.

Так стоит на костях наш град.
И, блокадников сын, я рад
О спасеньи братских могил.
Там я деда ведь схоронил.

Звать его Иоанн. Он жив.
Он у Бога Христа живет.
Раскулаченный, был он сив —
Стал седой и во мне поет.

А на Южном — бабушка, мать.
Еле видны на плитах кресты.
Жаль мне деда не отыскать.
Над дядьями растут кусты.

И один из них — Иоанн —
Тот от немца убит — в раю.
Поминаю их. Тоже вам
О своих тот совет даю.

Все мы — грешники. Питер нас
За обедней помянет.
О спасеньи прошу. Мой сказ
Вас настигнет как птицу влет.

Ведь открыты храмы теперь.
Сам видал — открывают дверь,
Чтобы каждый вошел с рублем.
Вот об этом мы и поем.

Ангел сбор над Невой трубит.

Подымайся, русский народ —
Поклонись и крестам тех плит
У кладбищенских в небо ворот.

Наши сродники ждут молитв,
А не митингов и не битв
За какое кресло еще.
Ангел воинским бьет плащом.

За бессмертье сражайтесь. Так
Завещаю, пока я жив.
Над столицей электроток,
Адским пламенем — миражи.

Желтым заревом бьют огни.
А на трубах красный сигнал.
Питер, Господи, вспомани,
Чтобы весь на молитву встал.

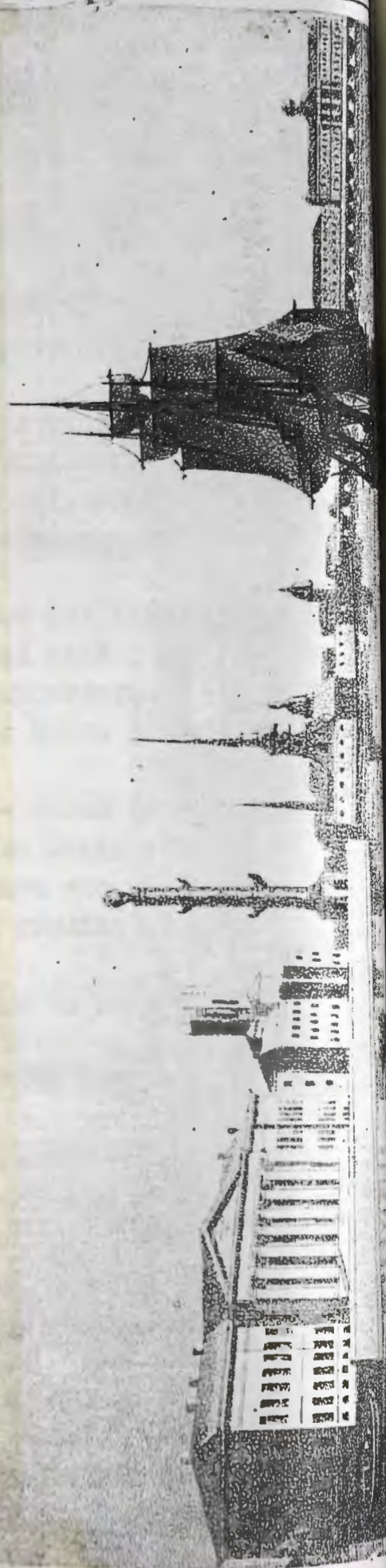
И Россия тогда пойдет
За столицей духовной. Здесь
Кровь болотом стоит поднесь.
За Россию битва идет.

Посмотрите 60С секунд —
Как столицу терзает враг.
Да — секунды бегут, бегут,
Исчисляя кто мертв, кто наг.

Но о Церкви хочу сказать.
Поднимайте Ее с колен.
Хватит Деву игутом вязать.
Вся Россия — церковный плен.

Впрочем, голос Ее в ушах.
И ликует моя душа.
В Петербурге опять кресты.
И кто скажет — глаза пусты.

Петербургу пусту не быть.
Ведь под ним есть гранитный крест.

1992

На востоке, где город, хмуро.
Там туманом нависший смог.
И горланят вороны хором.
В них играет Младенец Бог.

Л
и
р
а
П
р
е
с
в
я
т
о
й
д
е
н

В церкви Сретенье. Солнце правды
Там поют. Подпеваю я.
И Младенцу вороны рады.
Видно церковь у них своя.

Дым клубится. Легчайший ветер —
Тихий вест выдыхает пар.
Свет премирный на белом свете,
И горланят вороны кар.

Ребятишки на горку лезут
И кричат, веселя свой дух.
Кувыркаясь, собачка резво
Прах вздымает, вся — зреньё, слух.

Позовут ее и залаёт.
Видно церковь у всех своя.
Даже дочка от нас узнает —
Нынче праздник, радуюсь я.

И жена поглядит прилежно —
Что такое я описал.
Прислонюсь к ней тепло и нежно
И за окнами белоснежный
Покажу февраля кристалл.

1992

Р О С С И Я

Постится Россия — крестьянские наши двory.
Народ обессилел, да жалъ детворы.
Что светит кормильцу? — Земельный надел.
А чем обработать? Народ так хотел.
Да — все впереди — нищета, безлошадность и пот.
Но Ты не оставь нашу землю, Господь!
Чтоб храмы народу как прежде вернуть,
Чтоб светлый открылся земле нашей путь,
Чтоб мы попостились, но хлеба, хоть вдоволь нам дай,
И наши сердца, нашу землю не покидай.
Мы всё пересилим. На то мы и родились.
Чтоб сено носили, чтоб славно хлеба поднимись.
Земля чтоб народу, народ же земле.
Чтоб дети сказали спасибо родимой семье,
Что подняли их и поставили на ноги. Бог
Чтоб нас не оставил, избавил голодных тревог,
Чтоб свет на Руси возродился и в душах у нас.
Чтоб землю нашу обогрел воспределающий Спас.
И благословенье из нас испрошли,
Чтоб небо и землю, и родину в сердце наших.

1992

ВОСКРЕСЕНЬЕ

Тишина у подножия Мира.
Все уснули. Но сердце не спит.
Что-то дается в безднах эфира
И искрит петербургский гранит.

Величаво Нева подымает
Под мостами белесые льды.
И душа как во сне понимает
Что творится у самой воды.

Там слонится февральское время —
Петербургская спящая ночь.
И мое среднерусское семя —
Спят одна и другая дочь.

И обеих люблю я. Малютки
Петербургские. Бог их храни.
И меж ними не сплю в промежутке,
Разослав их в квартиры родни.

Мне не спится. Россия большая
За моим освещенным окном.
И береза качает сквозная
Свои ветки, грустя о родном.

Нелегка ныне участь России,
Но как с неба божественный свет
Озаряет проселки иные
И душе посылает привет.

И пляжу — за окном мирозданье.
Ясно звезды в пространстве горят.
И душа моя храму, простая,
Посылает легчайший взгляд.

Помоги нам, о Боже великий —
Даруй хлеба довольно и сил,
Чтоб детей мы ко храму Владыки
Привели, как и Ты нас просил.

Чтоб Россия вполне возродилась
Снова крепкою стала, как дух,
Чтоб вернулись надежда и милость,
И прошел о нас праведный слух.

Чтобы мир нам помог наши храмы
Возродить и родные поля,
Чтобы в душах не было сраму
И поскрести от крови земля.

Чтобы спорились труд и торговля
На большие живые рубли,
Чтобы каждому место и кровля
И в портах всех земель исцели.

Чтоб грядущее детям открылось
Не такое, как выпало нам,
Чтоб Царица как с неба явилась
И покров Свой незримый развила
Над землею, где свят Ее храм.

Так молюсь под звездой высокой

И стихи для России пишу,
Озаренный надеждой глубокой
И молитвенно в небо дышу.

И как пар взлетает куренье
Прямо в фортку — на небо, где Бог.
И завтра воскресное пенье
В храме слышно без лишних тревог.

Там горят светоносные свечи
И иконы мерцают со стен.
Это образ Руси человеческий,
Преклоняющей много колен.

Это светлая наша надежда
И глубокая вера в Христа.
Это святость души и одежды,
Что в заплатках, но строго чиста.

И пойду поклонюсь я со всеми
Перед образом Бога святым,
И с народом паду на колени
Перед ликом Его красоты.

Обновляется сердца утроба
И Россия, как верится мне,
Восстает из кровавого гроба
В светозерной молитв тишине.

И по храмам идет покаянье.
Причащается верный народ.
То гред Богом Христом предстоянье,
Православная служба идет.

И подам за умерших записку,
Чтобы с нами, надежды полны,
Не искали у Господа иска
С позоре хромешной страны.

Чтобы нам из земли помогли,
Чтобы с неба послышался за нас,
Чтобы верили в нас, чтобы знали —
Над Россией всеведущий Спас.

Он поможет нам в нашу годину
Перед ликом престолиной земли
Путь найти на потресу одну
И служить своему Господину,
Как печальники наши могли.

1992

ЗА СБЕДНЕА

День воскресный. Солнце сияет.
Совершенная слягодать.
Вот и славостест осеняет
Всю округу — рукой подать.

Колокольный звон пробуждает
Сердце, душу и многий свет.

Значит мысль моя не блуждает
И былого сомненья нет.

С горки дети летят на санках.
Веселится вороний грай.
И душа моя как в служанках
Поминает родимый край.

Православные пеню в храме
Как внимают и слезы льют.
Вот на паперти нищий странник.
И что могут ему подать.

Вот священник служит обедню.
Вдохновенно его лицо.
А народ — то простой и бедный
Окружает его кольцом.

Херувимская. Символ веры.
Всею народом его поют.
Здесь далече уж запах серы.
Здесь из чаши Христа дают.

И причастники как сияют
И на радостях все поют.
Православные пенье знают,
А пришедшие узнают.

Вот молебен. Молят о здравье,
О спасеньи живой души.
Это русское православье —
Дух, который не сокрушить.

Это сущее воскресенье.
Воскресает народный дух.
Это вера в души спасенье.
Вся душа тут — зренье и слух.

И лампада перед иконой
Ясно теплится, как лучом
Сзаряя свет заоконный.
Прихожане к плечу плечо.

Точно молятся и поклонны
Перед Богом в землю кледут.
А в округе в детишках склоны
Льдяной горки в снежном саду.

Солнце светится и играет.
И лазурь голуба в снегу.
И озвучен вороньим граем
Сад как в санках и на бегу.

И иду от обедни к дому,
И святится душа, поет.
День воскресный, сердцу знакомый
Всюду милость нам подает.

1992

ж ж ж

И опять ночь тиха. И снежок.
Я на кухне свет мой зажег —
Освещает пространство в окне.
Будто облак мерещится мне.

И в том облаке звезд не видать.
Но на сердце моем благодать.
Светит мне со двора лишь фонарь —
Немигучая электрояр.

Ночь тиха. И на сердце как мир.
Не шелохнет воздушный эфир.
Облак движется к северу. Там
Чуть мерцает полуночный храм.

И на нем тихо блещут кресты.
Затаен от такой красоты,
Умиряется верою дух
И душа превращается в слух.

Нет ни звука в пространстве большом,
Будто Ангел над домом прошел.
И молчанье, молчанье в душе.
С Богом мы примирились уже.

1992

НОЧЬ ЗА СТИХАМИ

Тишина. Благодатная ночь.
Спит жена, спит земля, спит и дочь.
Я не сплю. Я на страже стихов.
Бог-то знает, что я из тихонь.

Петергоф. Тускло светится храм.
И блаженная Ксения к нам
Завтра с древней клюкою придет
И к кровати твоей подойдет.

Спи, дочурка. Ведь папа не спит.
У него процветающий вид.
Все послал нам, что нужно, Господь —
Бодрый дух и безмолвную плоть.

Я сижу, сигареты курю
И предчувствую к нам благодать.
Что тебе я, малыш, подарю?
Ведь теперь я могу не страдать.

Петербург возрождается. Свет
С небеси к нам как дверь приоткрыл.
Пусть еще у нас многого нет.
Но довольно с нас ангельских крыл.

Тайно Ангелы к нам подойдут
И подскажут на страже своей
Что нам сделать в себе, ведь живут.
Благодать. Обнадежен я с ней.

Возрождается питерский люд.
В храме крестят младенцев своих.
Всюду храмы полны там и тут.
Обойду я со Ксенией их.

Всюду свечку поставлю и дам
Что-то нищему люду с душой.
Бог храни — мне ответят. И храм
Отзовется мне тайной большой.

Здесь так истоиво свечи горят.
И душе хорошо, хорошо.
И иконы как строятся в ряд,
Будто сонм здесь небесный прошел.

Небеса нам открылись уже.
Покаяние в храмах идет.
И в своей огляжусь я душе.
Слова правды бессмертная ждет.

И у Бога прошу, чтоб открыл
Мне уста для великой хвалы,
Ведь талант мой не пропил, не скрыл
И ушел клеветы и хулы.

Мне довольно, что жив я еще
И бессмертье как светится мне.
Оглянусь — Петербург за плечом —
Медный всадник на медном коне.

И бежать мне не надо. Я свой.
Здесь мой дом и великий народ.
Пой, душа моя, ласточка, пой,
Ведь весна у ворот, у ворот.

Скоро птицы вернутся и дочь
Познакомится с ними вблизи.
Я один. Благодатная ночь.
С неба свет засквозил, засквозил.

1992

СПОЗРАНКУ

Утро раннее. Спит Петергоф.
В даль глухую бредут фонари.
Не найти просыпанию слов.
Темный час до восточной зари.

Я один над пространством в окне.
Предо мною трубою дымит
Здесь ночная котельная. Мне
Открывается парковый вид.

За стеною чернящих дерев
Бледный город встает вдалеке,
Как проснуться еще не успев,
В желтом зареве, будто в венке.

О Л Е Г
О Х А П К И Н

Алексей и Мирослав Андреевы

Санкт-Петербургъ

Зима 1989 г.

НЕБЕСНАЯ РОССИЯ

Памяти Даниила Андреева

Если есть Небесная Россия,
То легко найду на карте той
Очертанья Родины Святой,
Те же имена ее простые:

Киев, Петербург, Москва, Печоры,
Саров, Брянск, и Новгород, и Псков.
Те же реки, рубежи и горы,
Имена народов и веков.

И насколько украшена ни будет
Эта преднебесная страна,
Утлые найдутся времена,
О которых жизнь моя не судит.

Всё нищает в них: земля и небо,
Горы, недра, бывшие леса.
То ли недород живого хлеба,
Но скудеют в нивах чудеса.

Что же говорить о том сегодня!
Узнаю и плачу, и молчу,
И гляжу в затылок палачу.
Да свершится срок Суда Господня!

Но и тем подарен я, быть может,
Что живу в стороне на Неве.
Вы, читатель, устанились тоже.
Сколько посторонних сыновей!

Родина, Небесная Россия!
Да простится наша немота,
Только Русь давно уже не та,
И молчат, молчат ее святые.

Что же, дар молчанья — дар терпенья.
Но доколе ждать нам в стороне?

В небесах ли петела хрипенье,
В храмах ли земных страстное пенье,
Но Христос воскреснет в сей стране.

Русской дружинной Музе

.....

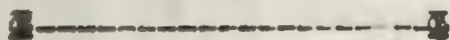
Слушай, Муза, глаголы, сдружившие мужество с грустью!
Не гляди на меня исподлобья безбрежную Русью!
 Не зови на блаженные древних пиры!
 Разыгралась труба современной и гневной поры.

Слышу дальние, бронегудящие гулы.
 Перед ними поэты предслышат седые глаголы.
 То ли вьига в пространство и время трубит,
 Но Куликово поле рыдает за тех, кто убит.

Пой, дружинная Муза, над речкою нашей Непрядвой!
 Не гляди так тревожно! Не надо грустить! .
 Ты же, русский Пегас, над душою ушами не прядай!
 Речь отцов, мы сумеем тебя защитить!

1973

Ключи Н е п р я д з ы

В. Порешу

Отцы и братья!
 Ради Господа подвизайтесь
 за веру христианскую
 и святую Церковь:
 смерть тогда не в смерть,
 а в жизнь вечную.

Князь Дмитрий Донской

I.

Давно ли в сумерках донских
Тишь разрывали на куски
Снаряды?

На этот счёт молчат года,
Лишь помутятся иногда
Ключи Непрядвы

Темна таинственная течь,
Точь-в-точь пророческая речь
Пейзажа.

Степная темная струя
течет с кончара острия,
Как Парки пряжа.

Кто б ни был здесь на берегах
Старинных:

Мещера, меря, голодь, финн
Иль грозный вятич-властелин,
Москаль татарину рекох,
И слушал в глинах.

С тех пор струит Непрядвы ключ
Воинственный московский клич,
И веси
Ощерились по сторонам,
И ошетибилась страна
Степей, полесий.

Давно ли здесь гремела сталь
И возносился пьедестал
Тирена?
На этот счёт молчит поток.
Опять прищурился Восток
С экрана.

Но день за днем из родника
Точится грусть. Сочит река
Предвестья, сроки

И наполняет вещей Дон
И к устью устремляя стон.

2.

Еще тиха донская ночь,
Еще тепла,
Но времени стустилась мощь.
И лунный лик смертельно тощ,
И светляки окрестных роц
Горят дотла.

Вечор кричали кулики,
Смеркалась даль.
С полночи от степной тоски
Завыли волки у реки,
И войску русскому в виски
Стучится дол.

Не спится. Сила в тростниках
Стоит окрест.
И всё, что сбудется в веках,
Слегка пульсирует в руках,
Покамест чист речной рукав
Сих птичьих мест.

Ведун Боброк припал к земле
И замер весь.
Что слышит он? --
Подземный стон
И зов девицы там во мгле.
Начнется здесь.

Два раза припадал Боброк
И слушал Русь.
В ее груди стучался Рок,
Но иссякал тяжелый ток,
И азиатской кровью впрок
Гиталась грусть.

И в первый раз он слышал мать,
Ее грудной
И скорбный, скорбный и родной
Глубокий голос недряной,
Как будто шел он стороной...
Куда? -- Как знать!

И мурзаметной речи рык
Бурлил, точь-в-точь гнилой арык.
Он клекотал
Густою пеной всех кровей,
Но осекался в мурахе
И дёрн питал.

И во второй звучало раз,
Как будто причитал и гас
На глубине
Девичий, плачущий в тоске,
Как бы Непрядва на песке,
Дочерний голос, храп коней
И трубный глас.

+ И князю Дмитрию Боброк
 Поведал слух земной и рёк:
 "Послушай, князь!
 Се волки. Чуешь? Волчий вой
 Нам предвещает не впервой
 Руду дружины боевой.
 Но Бог за нас".

+ И Дмитрий молвил, погрузнев:
 "Такою ночью Божий гнев
 Исполнит срок.
 С Востоком встретится Восток.
 Заутра бой. Да будет так!
 Поспи, Боброк!"

1975

3.

+ Мамай, Ягайло и Олег
 Стоят меж рек.
 Непрядва, Дон, Солова, Мечь.
 Уперта, Права и Упа...

+ Поля вчера из-под серпа
 Кровище встречь.

+ Олег, Олег, твоя Рязань
 Глядит, больна как бирюза,
 В пыли дорог.
 Стыдом опятнаны глаза.
 В церквях темнеют образа.
 Рудеет влог.

+ Чашарник зелен и багрян.
 Сентябрь мглян.
 Проснулася кованая рать.
 Стяг багрянится. Пробил час.
 В лучах Нерукотворный Спас.
 Трубе играть.

Труба серебряная. Слышь!..
Свежеет утренняя тишь.
Великий день.
Над полем вековая мгла.
Тропа Истории легла
В дубравы сень.

И с печенегом Пересвет
Сшибутся. И орда в ответ
Багря поля,
Пройдет оружием слепым
До исторической тропы.
Терпи, земля!

Владимир князь в дубраве той
Рассвет встречает золотой.
При нем Боброк.
Олег, Олег, Солотча спит,
А на Дону среди раки
Песок багров.

Тогда, второй броней звеня
Богоизволенного дня,
Владимир князь
Воздвигнет Бога знамена,
И повернутся времена
Ордою в грязь.

День Богородицы кровав.
Непрядвы ров
Уж приготовлен. Воронье
Среди орлов.
И под стремительным конем
Отрава трав.

И стяги на ветру ревут.
Гремит река.
Земные раны заживут.
Но то, что совершилось тут
Бессмертной правдой назовут
Народы и века.

1977

БОДРАЯ ОСЕНЬ

А. Огородникову

Бодрая осень. Куликовых глин
Ультрамарины и охры легли
Ярко пылают осины кармин.
Уголья пашен сверкнули вдали.

Вся пережжённая умбра долин
Чуть серебрится в осенней пыли.
Стяги полощут, и рек хрустали
Переливаются в илах земли.

Чу! Разыгрались трубы в крови.
Войско Донского. Вострубленный сбор.
Или то в кронах ликующий бор,
Горние громы, шорох травы?

Сосен ли, копий качается лес,
Или дубравы гремящих небес

Олег Охупкин Ключи Непрядвы

На землю русскую с высот,
И брони воинов литые
Вновь на Дону секут осот.

И в Дон стекаются отсюда
Быстрины кованной руды,
И, уподобленное блюду,
Блестит поле — ждет беды.

Завтра пиршественной кровью
Росистый дол окровавлен,
И Лик рассеченною бровью
Глядит из гробовых пелен.

Христос, мы жаждем
Воскресенья
И пали с верою, и ждем
Да воскресит вино спасения
И тех, кто к полю
пригвожден
1978

КОНЬ СВЯТОГО
ГЕОРГИЯ
ПОБЕДОНОСЦА

Ю. Петровичу

Прекрасен конь Георгия. Как дух
Повис в метафизическом пространстве,
В простом и ослепительном убранстве
Иконописный образ не потух.

Конь фыркает и скачет, глаз косит
И радуется всаднику-герою.

И дух его пред нас подобен бою
С драконом, над которым он висит.

И всадник право правит сим конем.
Духовный взлет, и копием сверкучим
Пронзенный призрак змия злобной тучей
Склубляется и, молнийным огнем
Палимый, богохульствует вотще.

Святой Георгий в огненном плаще
Проносится над ним, одетый в бурю,
На вороном грохочущем коне,
На лбу крестообразно брови хмурия,
Из века в век на храмовой стене.

И этот конь, то вороной, то белый,
То красный, полыхающий как шар, --
Суть горный дух победы. Воин смелый
Вскормил его под пламенем Стожар.

В ночном -- земной и обидительной молитвой
Он освящен хозяином своим,
И духовборной праведною битвой
Бессмертен стал, от гибели храним.

Сей конь глядит на нас не конским ликом --
Духообразным боя торжеством,
Да победим в борении великом
Ползучее греха лжебожество.

Так всяка тварь, служению Господню
Бысть призвана, пусть подвиг совершит
И освятится сим и посегодня,
И в вечности, где путь свой завершит.

1978

